

Повесть посвящается моим землякам-припятчанам и всем, чьей судьбы коснулась зловещая тень Чернобыльской катастрофы. И хотя в основу ее легли реальные события, повесть не документальна, поскольку все ее герои — образы собирательные...

Пролог

...В густом фиолетовом небе пульсирует далекая звездочка. Она увеличивается, превращаясь в яркую вихрастую звезду, затем — в огромный многоцветный шар, который движется все ближе и ближе, оставляя длинный лучистый шлейф... Вдруг ослепительная вспышка... Все небо занимается дрожащим от собственного жара красно-желтым заревом, которое вырвалось, оказывается, из распахнутого зева развороченного взрывом реактора... И еще горячий, красным-красна, громадная труба второй очереди ЧАЭС...

...Ирина резко просыпается. Уже ставший привычным, особенно за последние два года, криз нестерпимой

болью терзает голову, горячим свинцом наполняет каждую клетку тела. Ах, как это некстати! Ведь она наконец-то решилась забрать сына, но до этого еще так много нужно успеть. Непослушной рукой она нащупывает лекарство, лежащее на тумбочке в изголовье постели. Вынимает из упаковки обезболивающую таблетку, разжевывает ее. Пытается достать таким же образом бокал, но рука срывается. Бокал падает, вода льется на ковер, заливая письма, лежащие на нем.

Ирина морщится от горечи и боли. Стискивает руками голову, отчего ее коротко стриженные волосы ерошатся еще больше. Начинает медленно подниматься. Берет там же, на тумбочке, упаковку валерьянки и отправляет в рот еще две таблетки. Тяжело дыша, она поднимает письма, кладет на тумбочку. Какое-то время сидит в постели, затем с трудом встает. И со стоном, осторожно ступая, держась за голову, бредет в ванную.

Ей слышится голос сына, его первое письмо из санатория:

«Здравствуй, дорогая мамочка! Пишу тебе сразу после твоего отъезда в 7 ч. 31 мин. У меня все еще сильно болит голова. Так хочется, чтобы эти два месяца протекли незаметно, но впереди еще целых 58 дней. Так хочется тебя увидеть...»

Ирина рассматривает в зеркале свое лицо, изможденное болезнью.

«...Я уже говорил тебе, что не выдержу здесь больше месяца, а мне сказали, что будет еще жарче...Пиши мне, мама!.. Твой Денис».

Изображение в зеркале расплывается. Слышится стон и шум падающих предметов...

...Июльское утро одной из окраин столичного города уже дышит зноем. Автобусная остановка. Толпа на ней слишком велика даже для начала рабочего дня. Видно, очень долго нет автобуса. На противоположной стороне улицы показалась хорошо сложенная, но как-то не по возрасту перегнувшаяся фигура Ирины. С дамской сумкой через плечо, ничего не замечая, она медленно переходит дорогу, приближается к остановке. И только тут обнаруживает необычное столпотворение.

Ирина пытается остановить любую машину, но тщетно. Наконец, резко притормозив, respectableного вида водитель лениво роняет:

— Куда?..

— Минздрав.

— 60 рэ.

— Да вы что? На такси десять рублей всего!..

— Так едете или нет? — вяло прожевал respectableный гражданин.

Ирина отчаянно захлопнула дверцу. Машина, обдав ее газом, удаляется. Она, подавленная, идет под навес остановки, прислоняется к холодной шершавой опоре. Достает таблетку.

Проходящая мимо остановки женщина кричит ожидающим:

— Напрасно ждете! Автобусы не ходят. Забастовка у них...

На остановке оживление. Кто-то огорчен, кто-то обрадован. Толпа редет. А поскольку Ирине непременно нужно сегодня добраться в центр, она решает все-таки дождаться автобуса. Подходит к освободившейся скамейке, усаживается так, чтобы можно было прислонить больную спину к, слава Богу, не полностью сломанной спинке. И, хотя ее беспокоит непредвиденная задержка автобуса, в глубине души она рада каждой новой весточке грядущих перемен, что сладким и одновременно тревожным ожиданием все сильнее напрягают необъятные просторы страны, которую давно в народе прозвали коротким и емким словом «совок». И это странное, но уже знакомое ощущение сладкой тревоги напомнило ей...

10

...Раннее утро 26 апреля 1986 года Ирина в легком домашнем халатике отстукивает на старенькой портативной «Москве» очередную статью, за которой, по обыкновению, провела ночь. Она ставит последнюю точку, вынимает густо отпечатанный лист. Собирает рукопись и откладывает ее в одну сторону, в другую отодвигает машинку, прикрыв ее свежим номером «Огонька».

На столе, кроме пишущей машинки и рукописи, стоит пустой кофейник и чашка с остатками кофе, а на краю, у книжного шкафа, лежат книги, бумаги.

Рабочий стол у них с сыном один, поэтому днем и вечером обычно свободную площадь его занимает Денис, а ночью он — в полном распоряжении мамы.

Ирина очень любит тишину своих долгих ночей, когда никто и ничто не мешает ей работать или просто «сидеть

в окне», размышляя о бытие и вечности наедине со звездами и постоянно изменяющейся, но всегда загадочной луной.

Ирина выключает настольную лампу, ибо в комнате уже достаточно светло. На трехстворчатом окне оранжево вспыхивают слегка раздвинутые шторы. Крайняя створка распахнута настежь, и легкий весенний ветерок развеивает тюлевую занавеску. Ирина отдергивает ее и с удовольствием вдыхает пронзительно свежий воздух, сладко потягиваясь и радуясь удачно законченной работе, ясному небу, ветерку, ласково треплющему ее пышные, длинные светло-русые волосы, пробуждающемуся лесу через дорогу, который плотными соснами убегает вдаль — аж до Управления строительством, и дальше — до ЧАЭС. Лес этот за окном — столь же привычная и дорогая деталь ее ночных бдений. Сегодня он подернут сизоватой, призрачной дымкой. Хорошо!..

Она будит сына, помогает ему собраться в школу, пока тот умывается и гремит посудой на кухоньке, завтракая.

Солнечные блики все больше заполняют небольшую комнату их малосемейной квартиры. Вот луч заиграл по инкрустированным часам на книжном шкафу, по многочисленным корешкам книг на его полках, зажег чеканку над столом, пробежался по кофейным обоям, по декоративной люстре, упал на мягкий плед, покрывающий софу у противоположной от стола стены. Осветил замысловатый рисунок простенького молдавского ковра, который, однако, покрывал почти весь пол, настолько невелика была эта комната. Но у стены напротив окна — от угла до двери — еще уместился диван, на котором лежит расчехленная гитара. А дальше —

белая двухстворчатая дверь довольно вместительной кладовки, служащей им еще и платяным шкафом.

Здесь, в одной из припятских малосемеек, Ирине с Денисом уже несколько лет жилось легко и уютно. И хоть через пару месяцев их ожидал переезд на новую квартиру, которого они ждали с нетерпением, все-таки было грустно расставаться с уже привычным жилищем. И потому, от близкого расставания что ли, все здесь казалось еще милее и дороже. И, возможно, поэтому к радостному ощущению чудного весеннего утра примешивалась какая-то щемящая тоска.

Денис, уже в куртке и туфлях, заскочил в комнату за портфелем. Ирина удивляется такой прыти:

12

— Куда это ты в такую рань? Еще целый час до занятий! Что-то на тебя не похоже...

— Да ладно, мам... Мы сегодня дежурные. И Сережка меня уже ждет во дворе. Мы так договорились, понимаешь?.. Ну, прогуляться немного перед школой... Свежим воздухом подышать!.. — многозначительно отбивается Денис.

— А... Свежий воздух — это хорошо! — сонно протянула Ирина. — Ну, беги, беги... Да, — вспоминает она, — Деня, знаешь, ночью опять на станции что-то гудело и ухало, аж стекла дрожали... Слышал?! .

— Ну и что?! — крикнул сын уже из прихожей. — Я пошел...

Через несколько часов Ирина тоже вышла из дому и знакомым маршрутом, через дворы, направилась в ДК, где сегодня собиралась литературно-театральная студия.

День этот ей очень нравится, и как-то по-особенному волнует все: щебетание птиц, трепетные ветки лип и кленов, подернутые зеленью, даже каштаны уже расставили свои широкопалые листья под крохотными свечками. Все знакомо, радостно и вместе с тем как-то неповторимо сегодня. Приятно изумили Ирину пенные ручьи по дорогам и тротуарам, то там, то здесь виднелись поливальные машины. Ах, вот еще почему день сегодня так удивительно свеж! Должно быть, каждую субботу так тщательно моют улицы города, просто раньше она этого не замечала. И эти пенные ручьи на улицах добавили ее приподнято-восторженному настроению некоторую торжественность и праздничность.

Вместе с тем Ирина удовлетворенно отметила, что удачно оделась сегодня. Она в джинсах, легкой кофточке и распахнутой яркой ветровке, а главное — в кроссовках, что позволяет ей беззаботно шагать вприпрыжку по пенным лужам. Свежий ветерок приятно ласкает лицо, развеивает волосы. Хорошо!..

Появившаяся из-за углового дома старая полесянка еще издали спросила Ирину:

— Дону, дэ тут автостанция?..

— Вот так идите прямо по этой улочке, а там перейдете через дорогу и чуть вправо... Вон она около того леса, видите?! — обстоятельно объясняет Ирина подошедшей старушке.

— На автостанцию не идите! — прервал ее громкий мужской возглас. Ирина оглянулась. Шагах в двадцати от них стоял странный взъерошенный и чем-то озабоченный человек в грязной робе. — Автобусы сегодня все равно не ходят!.. — кричит он.

Старушка засемила к нему, выяснить, почему же не ходят автобусы. А Ирина, пожав плечами — не ходят, так не ходят! — поспешила дальше.

На проспекте Ленина и на площади перед дворцом культуры необычно много празднично слоняющегося народа и еще больше серо-синих милицейских мундиров. Это обстоятельство вновь удивило Ирину. Праздничная толпа, на тротуарах торговые точки с мороженым и прочими сладостями, все отнюдь не похоже на рядовую субботу, а дышит приближающимися майскими праздниками.

14

Во дворце же, наоборот, почти никого нет. Ирина приветливо поздоровалась с вахтером, не старой еще женщиной, которую все почему-то звали бабой Пашей. Та что-то хочет сказать Ирине, ибо любит посудачить с ней о своем житье-бытье. Но на этот раз Ирина разводит руками, давая понять, что опаздывает. И бежит вверх по лестнице, пересекает изящно оформленный танцевальный зал.

В студийной комнате оказалось только двое. Татьяна — инженер ЧАЭС, недавно родившая третьего ребенка. Освобожденная от «трудовой повинности», она каждую минуту свободного времени отдает теперь писанию стихов и рисованию. Сегодня она пришла пораньше, чтобы заняться стенгазетой. Второй в комнате была подруга Ирины Софья — профессиональная журналистка, работающая в местной газете и подрабатывающая на радио. Она стоит у окна и курит. Татьяна сидит за столом перед чистым листом ватмана, так и не нанеся на будущую газету ни штриха.

— Ну, что слышно?.. — встретили они Ирину дружным дуэтом.